Щербачев.
Подписи царей
Бориса Годунова.

М 152/372

М 152/379

ПОДПИСИ ЦАРЕЙ

БОРИСА ГОДУНОВА и АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Ю. Н. Щербачевъ.

МОСКВА.

1894.

М 152/372

ПОДПИСИ ЦАРЕЙ

БОРИСА ГОДУНОВА и АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Ю. Н. Щербачевъ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1894.

Печатано подъ наблюденіемъ Члена-Соревнователя **Ю. Н. Щербачева.**

ВСЕСОЮЗНАЯ
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. Ленина
Р 5632-34

Изъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“.

2007050627

Какъ извѣстно, до Петра русскіе цари не подписывались подъ своими грамотами къ иностраннымъ государямъ. Тѣмъ большій интересъ представляютъ собою подписи царей Бориса Годунова и Алексѣя Михайловича на двухъ адресованныхъ датскимъ королямъ грамотахъ, хранящихся нынѣ, въ числѣ многихъ другихъ русскихъ историческихъ актовъ, въ Копенгагенскомъ Государственномъ Архивѣ. Фотографическій снимокъ съ этихъ подписей можно видѣть въ „Государственномъ Древлехранилищѣ", помѣщающемся въ зданіи Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ.

Въ 1889 году обѣ эти подписи были воспроизведены въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (№ 38, отъ 7-го февраля), но при этомъ вопросъ объ ихъ подлинности не подвергся обсужденію: приведены онѣ въ качествѣ несомнѣнныхъ автографовъ.

Въ настоящей статьѣ мнѣ хотѣлось бы восполнить этотъ пробѣлъ, т. е. по возможности рѣшить вопросъ—подлинны онѣ на самомъ дѣлѣ или нѣтъ?

Начну съ подписи Бориса.

Значится она на крестоцѣловальной записи отъ 10 апрѣля 1602 года, выданной царемъ Борисомъ королю датскому Христіану IV. Запись эта, писанная на александрійскомъ листѣ, за большой подвѣсной золотою печатью, заключаетъ въ себѣ условія предполагавшагося въ то время брака между братомъ короля, герцогомъ Іоганномъ (Младшимъ) Шлезвигъ-Голштинскимъ, и дочерью Бориса, царевною Ксеніей [1]). Подпись слѣдующаго содержанія:

Бж҃іею мл҃тію цр҃ь і великїи кн҃зь Бори Ѳедорови всеа Русіи.

Стоитъ она не справа, а слѣва подъ текстомъ. Почеркъ ея—мелкій, тонкій, какъ будто женскій,—отличенъ отъ неровнаго, некраси-

[1]) Болѣе подробное описаніе документа см. въ „Датскомъ Архивѣ". Матеріалы по исторіи древней Россіи, хранящіеся въ Копенгагенѣ (1326—1690 гг.) Ю. Н. Щербачева. Москва, 1893 г., стр. 159, № 575 (527). Подпись эту см. на прилагаемой при семъ фототипической таблицѣ сн. № 7.

ваго почерка самой записи (которымъ, кстати сказать, писаны всѣ грамоты Бориса, касающіяся „тайнаго дѣла“—сватовства Ксеніи) и вообще не попадался мнѣ ни на одномъ другомъ документѣ ни въ Копенгагенскомъ Архивѣ, ни въ Главномъ Архивѣ въ Москвѣ.

Столь необычное въ то время подписаніе царемъ международнаго акта было вызвано особымъ обстоятельствомъ. Изъ архивныхъ источниковъ мы узнаёмъ, что въ 1601 году русскіе послы Иванъ Степановичъ Ржевскій и Посникъ-Дмитріевъ, посланные въ Копенгагенъ по свадебному дѣлу, выдали королю датскому за своимъ крестнымъ цѣлованіемъ предварительную запись относительно условій брака Іоганна съ Ксеніей [2]). Въ отвѣтъ на это посольство Ржевскаго и Дмитріева, въ Москву посланы были датскіе послы Нильсъ Крагъ и Клаусъ Пасселихъ, которымъ между прочимъ вмѣнялось въ обязанность просить царя о подтвержденіи упомянутой посольской записи его подписью и печатью [3]). Правда, эта первоначальная редакція свадебнаго договора подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ, но согласившись принять новую, царскую запись взамѣнъ посольской, датскіе послы конечно все же предъявили требованіе о закрѣпленіи ея царскою подписью.

Итакъ, причиною подписанія записи является требованіе датскихъ пословъ.

Какъ видимъ, склонный къ новшествамъ Борисъ наружно согласился исполнить это требованіе. Но остается еще рѣшить вопросъ: подписался ли онъ самъ или вмѣсто себя заставилъ расписаться другое лице. На первый взглядъ казалось бы нѣтъ основаній заподозрить подлинность подписи. Крестоцѣловальную запись эту, по значенію, разумѣется нельзя приравнять къ обыкновеннымъ жалованнымъ грамотамъ, на оборотѣ которыхъ вмѣсто царей расписывались дьяки: для Бориса она имѣла огромную важность. Съ другой стороны мы не можемъ допустить, чтобы Годуновъ опасался связать себя собственноручною подписью: не говоря уже о томъ, что въ тѣ времена въ Россіи подпись не имѣла нынѣшняго своего значенія, и что въ дѣлахъ подобнаго рода связывали только крестное цѣлованіе да печать, Борисъ, страстно надѣявшійся посредствомъ задуманнаго брака утвердить на русскомъ престолѣ свою династію, въ данномъ случаѣ былъ

---

[2]) См. тамъ же, № 560 (512). Русская Историческая Библіотека, томъ ... Русскіе акты Копенгагенскаго Архива, собранные Ю. Н. Щербачевымъ, № 78.

[3]) См. инструкцію этимъ посламъ. Датскій Архивъ Ю. Н. Щербачева, № 563 (515).

несомнѣнно искренень и наврядъ ли сталъ бы прибѣгать къ какой то непонятной хитрости.

И тѣмъ не менѣе мы должны прійти къ заключенію, что Борисъ подписался не самъ,—и это по той простой причинѣ, что какъ свидѣтельствуютъ о томъ многіе изъ его современниковъ, онъ былъ неграмотенъ.

Въ началѣ XVII-го столѣтія и даже позднѣе, отсутствіе грамотности среди русскихъ дворянъ было явленіемъ заурядным [4]), а потому, я полагаю, мы не имѣемъ права не довѣрять этимъ свидѣтелямъ, которые, рядомъ съ описаніемъ наружности или характера Бориса, упоминаютъ—почти всегда какъ о вещи самой обыкновенной, что онъ не ученъ, „не книженъ", не умѣетъ ни читать, ни писать и т. п.

„Not lerned, but of sudden aprehencion and a naturall good orator, говоритъ о немъ Sir Jerom Horsey [5]).

„Boritz..., пишетъ de Thou въ своей Histoire Universelle [6]), безъ сомнѣнія со словъ Маржерета, лично знавшаго Годунова,—Boritz était un homme sans étude et sans lettres".

„Аще и разуменъ бысть Борисъ въ царскихъ правленіяхъ", отмѣчаетъ Палицынъ [7]), „но писанія божественнаго не навыкъ".

У Хворостинина [8]) читаемъ: „яко же нѣкогда и Василии Маке-

---

[4]) „Многіе изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованные", пишетъ Котошихинъ о боярахъ временъ Алексѣя Михайловича (О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, современное сочиненіе Григорія Котошихина, изд. 2-е. С.-Петербургъ 1859 г, стр. 20, строки 19—21).

[5]) Hakluyt Society. Russia at the close of the XVI century.—A relacion or memoriall abstracted owt of Sir Jerom Horsey his travells, imploiments, services and negociations (etc.) p. 258.

[6]) Histoire Universelle de Jaques Auguste de Thou... (le tout traduit sur la nouvelle édition latine de Londres). A la Haye, 1670, IX, p. 178.

[7]) Сказаніе о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря (и проч.) Авраамія Палицына. Изданіе второе. Москва 1822.

[8]) „Словеса дней и царей и святителей Московскихъ еже есть въ Росіи, списано въ крадце предложение историческо, написано бо ко исправлению и ко прочитанію благочестіе любящихъ. Составлено Иваномъ Дуксомъ" (заключается въ хронографѣ, хранящемся въ Большой Королевской Библіотекѣ въ Копенгагенѣ, Ny Kongl. S. 4-to, 552 с. Хронографъ этотъ начинается лѣтописью: „Лѣтописецъ написанъ выборомъ и(зъ) старыхъ лѣтописцовъ, что учинилося въ Московскомъ государствѣ и во всей Русской землѣ въ нынѣшняя послѣднія врѣмена". Начинается лѣтописецъ 6834 годомъ, обрывается на 7154-мъ. Вслѣдъ за лѣтописцемъ помѣщены „Словеса дней". См. также С. Ѳ Платонова: „Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ". С.-Петербургъ, 1888, стр. 193.

доненинъ, аще и не наученъ сый писаніемъ и вещемъ книжнымъ, но природное свойство цѣлостно имѣя"... и проч.

Временникъ (Тимоѳеева) представляетъ Бориса человѣкомъ, лишеннымъ всякаго образованія: „И чюдо, яко первый таковъ царь не книгочій намъ бысть..." „И чюдо, первый бо той въ Россіи деспод̀ъ безкниженъ бысть [9])".

„Борисъ не зналъ сихъ примѣровъ изъ книгъ, ибо не умѣлъ ни читать, ни писать, но у него было довольно ума, особенно на зло", пишетъ Жолкевскій [10]).

Масса говоритъ: „Поневолѣ приходилось задумываться съ чего Борисъ, не умѣя ни читать, ни писать, такъ хитеръ, ловокъ, пронырливъ и уменъ. Это дѣлала его большая память" [11]). Борисъ „имѣлъ огромную память и хотя не умѣлъ ни читать, ни писать, тѣмъ не менѣе все зналъ лучше тѣхъ, кто умѣли писать [12])".

Когда по пріѣздѣ въ Москву жениха Ксеніи Борисовны, вышеназваннаго герцога Іоганна, Борисъ отправился на богомоліе къ Троицѣ, то съ похода прислалъ герцогу нѣсколько подарковъ вмѣстѣ съ письмомъ, въ которомъ между прочимъ просилъ его о собственноручномъ отвѣтѣ. „Но письмо царя, замѣчаетъ по этому случаю въ своемъ дневникѣ Аксель Гюльденстіерне, старшій изъ датскихъ пословъ сопровождавшихъ герцога въ Россію,—было написано не имъ самимъ, а подъ его диктовку сыномъ, такъ какъ самъ царь не умѣетъ ни читать, ни писать" [13]).

---

[9]) Ркп. Флорищ. пустыни л. 102 об. и 125 об. Заимствуемъ объ выписочки изъ труда Платонова, названнаго въ предыдущемъ примѣчаніи. Повидимому самъ С. Ѳ. Платоновъ къ свидѣтельству этому относится не безъ недовѣрія (см. примѣч. 3 стр. 150). Во всякомъ случаѣ Временникъ кажется ошибается: Борисъ Годуновъ былъ не первымъ безкнижнымъ деспотомъ на Руси (Василій Темный, отчасти Дмитрій Донской?).

[10]) Записки гетмана Жолкевскаго о Московской войнѣ, изд. П. А. Мухавымъ. Изд 2, С.-Петербургъ, 1871 г., стр. 3.

[11]) Isaac Massa. Een cort verhael von begin en oorspronck etc. Isaaci Massae chronicon, Rerum Rossicarum Scriptores Exteri, томъ 2-ой, С.Петербургъ, 1868 г. стр. 27, столб. 1 (см. также изд. кн. М. Оболенскаго и „Сказанія Массы и Геркмана о смутномъ времени въ Россіи", С.-Петербургъ, 1874, стран. 54).

[12]) Подлинникъ въ Rerum Rossicarum & стр. 66 столб. 1, и русскій переводъ: Сказанія Массы и проч., стр. 137.

[13]) См. подъ 15 октября подлинный дневникъ Гюльденстіерне (въ моемъ рукописномъ сборникѣ № 569: F. N. hertzog Hans till Sleszwig Holstein hans reigse att Rysland. Anno 1602. Въ моемъ Датскомъ Архивѣ упоминается

По вопросу о подлинности Борисовой подписи слѣдуетъ отмѣтить еще одну маленькую подробность: насколько можно заключить изъ отчета датскихъ пословъ Крага и Пасселиха [14]), подпись сдѣлана не въ ихъ присутствіи, — при нихъ царь цѣловалъ только крестъ въ соблюденіи свадебнаго договора.

Но если на записи расписался не самъ Борисъ, то краткость и трезвость его титула въ подписи („Божіею милостію царь и великій князь"—и больше ничего) наводятъ на догадку, что за него приложилъ руку кто либо изъ ближайшихъ членовъ его семьи: въ самомъ дѣлѣ на подобномъ актѣ врядъ ли какой нибудь дьякъ рѣшился бы царское именованіе изобразить съ такимъ умаленіемъ.

Почеркъ подписи не дѣтскій, и потому нельзя приписать его царевичу Ѳеодору Борисовичу, который въ то время былъ еще ребенкомъ. Не расписалась ли за царя царица Марья Григорьевна (если знала грамотѣ), или сама царевна Ксенія,—болѣе всѣхъ заинтересованная въ дѣлѣ. Каюсь, мысль, что подпись начертана этою послѣднею, упорно меня преслѣдовала, и, находясь года два назадъ проѣздомъ въ Петербургѣ, я не полѣнился разыскать въ рукописяхъ Археографической Коммиссіи подлинное письмо инокини Ольги—въ міру Ксеніи Борисовны Годуновой, адресованное ею теткѣ, княгинѣ Домнѣ Богдановнѣ, 29-го марта 1609 года изъ осажденной Троице-Сергіевой лавры [15]). Впрочемъ, къ сожалѣнію, фотографическаго снимка съ Борисовой подписи при мнѣ тогда не было, такъ что сопоставить и сличить почерки мнѣ не пришлось, и такимъ образомъ вопросъ этотъ остался и понынѣ остается открытымъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій какого нибудь любителя древней письменности.

Перехожу къ подписи—или вѣрнѣе, приписи царя Алексѣя Михайловича.

Стоитъ она на царской грамотѣ къ королю датскому отъ 17-го августа 1656 года [16]). Вотъ ея текстъ:

подъ № 617. См. также Historisk Calender udg. at L. Engelstoft og I. Moeller. Kjoebenhavn 1814. Udtog af Rigsraad A. Gyldenstiernes Dagbog & p. 145.

[14]) См. Датскій Архивъ Ю. Н. Щербачева, № 580 (532).

[15]) Письмо это напечатано въ Актахъ Историческихъ, собр. и изд. Археографическою коммиссіею, С.-Петербургъ 1841, томъ 2, № 182.

[16]) Датскій Архивъ, стр. 241, № 894. Напечатана въ Русск. Истор. Библіотекѣ, мой сборникъ, № 155, столб. 797—808. Первыя половины двухъ начальныхъ строкъ см. на фототипич. таблицѣ, сн. № 1. У Соловьева, отмѣчающаго, что грамота была за царскою рукою (т. X, 4-ое изд., стр. 364), отпускъ съ нею Мышецкаго ошибочно отнесенъ къ 7 августа (вм. 17-го).

Бжіею милостию мы великиі гдрь црь і великиі кнзь алексѣ михаиловичь всеа великиа і малыа і бѣлыѧ росіі самодержецъ отчичь і дѣдичь і наслѣдникъ і гдрь і облаадатель любиа васъ брата своего любительного для укрепленіа приписалъ своею црскою самодержавною рукою.

Писана она въ три строки во всю ширину александрійскаго листа грамоты. Почеркъ ея, такъ же какъ почеркъ Борисовой подписи, не соотвѣтствуетъ почерку самой грамоты и ни на одномъ другомъ документѣ ни въ Копенгагенѣ, ни въ Москвѣ мнѣ не встрѣчался. Это въ нѣкоторомъ родѣ калиграфія: каждая буква выведена твердо, крупно, старательно, и вся припись — въ особенности же первое ея слово—очень напоминаетъ ту крупную вязь (κανίκλωμα), которою подписывались и до настоящаго времени продолжаютъ подписываться вселенскіе патріархи.

Долженъ сознаться, что эта подпись интересовала меня гораздо менѣе Борисовой—уже по одному тому, что относилась она къ болѣе поздней эпохѣ; но въ подлинности ея мнѣ какъ-то и въ голову не приходило усумниться—по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ. Дѣло въ слѣдующемъ.

Уже на одной изъ предшествующихъ грамотъ къ королю датскому, отъ марта 1656-го года, стояла припись царя одинаковаго почти содержанія съ вышеприведенною [17]). Въ этой предшествующей грамотѣ, вѣрительной для царскаго посланника князя Даніила Ефимьевича Мышецкаго, царь между прочимъ просилъ короля объ отвѣтѣ за его королевскою рукою. „И мы..., пишетъ царь, для прежние и нынѣшние братцкие дружбы і любві и для доброго нынешняго обоихъ государствъ дѣла (союза противъ шведовъ) послали сию грамоту съ посланникомъ нашего царскаго величества прежеименованнымъ, приписавъ для вѣрности мы, великій государь, своею самодержавною царскою рукою“... (Подлинникъ этой грамоты утратился. Въ Копенгагенскомъ Архивѣ сохранился лишь датскій ея переводъ, и вышеприведенная выписка заимствована изъ статейнаго списка нашего Главнаго Архива въ Москвѣ [18]).

---

[17]) См. Датскій Архивъ, стр. 240, № 890 (834).

[18]) Обязательно сообщена мнѣ С. А. Бѣлокуровымъ. Полный текстъ подписи на этой грамотѣ слѣдующій: „Божіею милостію мы великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, отчичь и дѣдичь и наслѣдникъ и государь и облаадатель, приписалъ своею царскою самодержавною рукою“.

На посылку князя Мышецкаго король отвѣчалъ посылкою къ царю Германа Коса (Kaas) и отвѣтную свою грамоту, съ привѣтливыми дружескими завѣреніями, подписалъ не просто, какъ прежнія свои грамоты, а сдѣлалъ къ ней собственноручную приписъ на подобіе царской [19]).

Германа Коса царь принялъ въ походѣ на берегу Западной Двины, въ комнатномъ шатрѣ. Пріемъ происходилъ съ обычною пышностью. Въ предверіи шатра, по сторонамъ, стояло много важныхъ дворянъ (anseelige cavalliers). Въ самомъ шатрѣ на великолѣпномъ престолѣ сидѣлъ царь; справа отъ него стоялъ его тесть Илья Даниловичъ, слѣва—шуринъ Борисъ Морозовъ, а за ними другіе бояре; по бокамъ престола стояли съ топорами рынды. Послѣ привѣтственной рѣчи посланника, царь приказалъ спросить его о здоровьѣ короля и, когда произносили королевское имя, всталъ съ престола и снялъ съ себя шапку. Потомъ посланника усадили на скамейку. Царь освѣдомился о его собственномъ здоровьѣ и о совершенномъ имъ путешествіи. Затѣмъ Косъ, „по обычаю страны“, спросилъ царя и бояръ объ ихъ здоровьѣ. Далѣе, царь снялъ съ себя правую перчатку, и Илья Даниловичъ простеръ его правую руку надъ подлокотнею съ тѣмъ, чтобы ее поцѣловали посланникъ и лица его свиты. Въ теченіе переговоровъ, Косъ заявилъ о склонности короля къ союзу съ царемъ противъ Швеціи. Въ кратковременное его пребываніе въ русскомъ лагерѣ, войска наши взяли приступомъ крѣпость Кукопаузъ (14-го августа, между 3-мя и 4-мя часами утра), и царь разрѣшилъ ему осмотрѣть эту крѣпость. Отпуская Коса, царь угостилъ его и его свиту обѣдомъ [20]).

Съ Германомъ Косомъ царь вторично послалъ къ королю князя Мышецкаго, въ этотъ разъ для окончательнаго заключенія союза противъ Карла Густава Шведскаго. Грамота, увезенная Мышецкимъ, и есть та самая, на которой значится приведенная выше, уцѣлѣвшая приписъ царя. Въ грамотѣ этой [21]) царь выражаетъ желаніе быть съ королемъ „въ братцкой дружбѣ и любви и въ дружелюбной сосѣдской ссылкѣ и въ соединеніи на вѣки, свыше того какъ напередъ сего были предки наши“; извѣщаетъ о своихъ побѣдахъ надъ шведами и

---

[19]) Читай въ Датскомъ Архивѣ, стр. 241, № 891 (835).

[20]) Подлинный отчетъ Коса о его посольствѣ (въ моемъ рукописномъ сборникѣ № 840; см. Датскій Архивъ, стр. 242, № 896).

[21]) Русская Историческая Библіотека, томъ ... (мой сборникъ), № 155, столб. 797—808, и Датскій Архивъ, стр. 241, № 894 (838).

о взятіи „въ Лифляндтехъ“ нѣсколькихъ городовъ; предлагаетъ наступательный союзъ противъ шведовъ и проситъ короля разрѣшить русскимъ купцамъ ходить Варяжскимъ Моремъ и безпошлинно торговать въ Даніи. Въ виду всего этого, пишетъ царь, „послали сеѣ нашу грамоту приписавъ мы, великій государь, наше царское величество, своею царскою самодержавною рукою“. И тутъ же царь проситъ короля прислать съ Мышецкимъ „свою королевскаго величества грамоту за своею королевскою рукою—чтобъ впредь, по тѣмъ нашимъ обоихъ великихъ государей грамотамъ, межъ нами, великими государями, наши государскія дѣла на обѣ стороны крѣпко и постоянно содержаны были навѣки, и чтобъ намъ обоимъ, великимъ государямъ, во всякихъ дѣлехъ другъ другу лутчего искать и о всемъ всякого добра хотѣть безъ всякого премѣненія“. Самъ князь Мышецкій въ наказной своей рѣчи [22]) повторяетъ просьбу о томъ, чтобы король отвѣчалъ царю за своею королевскою рукою и опять упоминаетъ, что царская грамота подписана самимъ царемъ...

Текстъ грамоты заключается слѣдующими (предшествующими приписи) словами: „писанъ въ нашемъ государскомъ походѣ, въ Лифляндтехъ, въ нашемъ царскаго величества крѣпкомъ пововзятомъ городѣ Кукопаузѣ, при насъ, великомъ государѣ, нашемъ царскомъ величествѣ, въ нашемъ государскомъ комнатномъ шатрѣ, лѣта“ и проч. [23]). Такой подробной отмѣтки объ обстоятельствахъ мѣста, при коихъ написана грамота, мы ни въ одной другой царской грамотѣ не встрѣчаемъ [24]).

Далѣе, письмомъ отъ 10 іюня 1657 г. король увѣдомляетъ царя, что согласно его желанію онъ объявилъ войну шведамъ [25]), а въ письмѣ отъ 5-го августа того же года выражаетъ надежду, что царь будетъ дѣйствовать противъ нихъ всѣми средствами и не заключитъ

---

[22]) Датскій Архивъ, стр. 242, № 897 (841).

[23]) Русская Историческая Библіотека, томъ .... (мой сборникъ), столб. 807.

[24]) Въ грамотѣ отъ того же 17 августа 1656 г., отпускной для Германа Коса, подчеркнутыя выше слова отсутствуютъ. См. Русскую Истор. Библіотеку, томъ ... (мой сборникъ), № 156, столб. 811—812. Правда въ пышной по формѣ (см. Датскій Архивъ стр. 250, № 927) грамотѣ отъ 31-го іюля 1662 года стоитъ: „писанъ .... нашего царскаго величества въ комнатной палатѣ“, но и тутъ слова „при насъ, нашемъ царскомъ величествѣ“ отсутствуютъ (см. Русск. Истор. Библ. мой сборникъ № 163, столб. 832).

[25]) Датскій Архивъ, стр. 244, № 902 (846).

съ ними отдѣльнаго мира. На этомъ послѣднемъ письмѣ король снова дѣлаетъ собственноручную приписъ, по примѣру послѣдней царской [26]).

Совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ, т. е.: особыя дружескія отношенія между дворами Московскимъ и Датскимъ; заискивающее положеніе царя, желающаго залучить Фредерика III въ союзъ противъ шведовъ; самое содержаніе приписей; настойчивыя, повторительныя упоминанія не только въ нихъ самихъ, но и въ текстѣ грамотъ, что сдѣланы онѣ царскою рукою; упоминаніе о томъ же (по предмету одной изъ приписей) въ наказной рѣчи русскаго посланника; наконецъ отвѣтныя несомнѣнно собственноручныя [27]) приписи короля датскаго,—все это отогнало отъ меня всякую тѣнь сомнѣнія относительно подлинности автографа царя Алексѣя Михайловича. Дѣло казалось мнѣ настолько яснымъ и простымъ, что я не особенно надъ нимъ и задумывался. Убѣдительнѣе всего представлялись для меня эти свидѣтельства самого царя въ его припискахъ и грамотахъ и въ заявленіи его посланника. Мнѣ конечно было извѣстно, что въ прежнее время въ оффиціальныхъ сношеніяхъ съ иностранцами, мы, когда нужно, не стѣсняясь извращали истину; но я поневолѣ спрашивалъ себя, какія могли бы быть въ данномъ случаѣ побудительныя причины и цѣль подобнаго беззастѣнчиваго, упорнаго, сугубаго и въ сущности совсѣмъ ненужнаго лганья?—ненужнаго уже потому, что никто не принуждалъ и даже не просилъ царя подписываться подъ грамотами,—дѣлалъ онъ это по собственному побужденію.

Помимо этихъ соображеній подлинность приписи подтверждало въ моихъ глазахъ и слѣдующее незначительное на первый взглядъ обстоятельство: при всей каллиграфичности почерка, выведена она не совсѣмъ прямо — строки ея идутъ немного снизу вверхъ, тогда какъ текстъ самой грамоты писанъ чрезвычайно ровно, очевидно по разлиненному. Коли допустить, что за царя, съ извѣстнымъ благоговѣніемъ, старательнымъ почеркомъ подписывался дьякъ, то, я думаю, надо предположить, что онъ прежде всего разлиневалъ бы ту часть бумаги, на которой ему приходилось подписываться, и это тѣмъ болѣе, что остальная ея часть уже была разлинёвана.

Но въ дѣйствительности въ допетровское время царское рукоприкладство на оффиціальныхъ грамотахъ являлось обстоятельствомъ настолько необычнымъ, что въ кругу людей свѣдущихъ легковѣрное мое отношеніе къ нему было встрѣчено неодобрительно. Ученые наши слушать меня не хотѣли и въ одинъ голосъ отрицали подлинность

---

[26]) См. тамъ же, стр. 244, № 903 (847).

[27]) Датскій Архивъ, стр. 240, № 891 (835) и стр. 241, № 903 (847).

царской приписи. Сначала я оставался непоколебимымъ, но разговоръ, который мнѣ пришлось имѣть по этому предмету съ такимъ знатокомъ дѣла, какъ директоръ Императорской Публичной Библіотеки въ Петербургѣ, А. Ѳ. Бычковъ, пошатнулъ-было мою увѣренность. Обративъ мое вниманіе 1) на особую каллиграфичность приписи, какъ на вѣроятный признакъ того, что писалъ ее писецъ по ремеслу, 2) а равно на слишкомъ пышный титулъ, которымъ царь навряд-ли самъ сталъ-бы себя величать, А. Ѳ. Бычковъ показалъ мнѣ образчикъ несомнѣннаго почерка Алексѣя Михайловича (помѣту его на какомъ то столбцѣ). То была характерная энергичная скоропись, имѣвшая, несмотря на сравнительную четкость, большое „родственное“ сходство съ неразборчивымъ почеркомъ Петра. Хотя я и принималъ въ расчетъ, что между старательнымъ и небрежнымъ почеркомъ одного и того же лица можетъ быть весьма значительная разница, при видѣ этой скорописи я все-таки призналъ и, казалось мнѣ, не могъ не признать, что помѣта и приписъ писаны двумя разными лицами,—такъ мало общаго было между обоими почерками [28]). И хотя на днѣ души у меня шевелилось глухое „e pur si muove“, я все же счелъ нравственнымъ долгомъ печатно отречься отъ подлинности приписи [29]). Вскорѣ, однако, мнѣ пришлось вернуться къ первоначальному моему убѣжденію.

Въ февралѣ прошлаго года, находясь проѣздомъ въ Москвѣ, я по обыкновенію зашелъ подъ гостепріимный кровъ Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Тамъ мнѣ попалась на глаза переписка царя Алексѣя Михайловича съ его сестрами, доставленная С. А. Бѣлокурову, для научныхъ занятій, изъ Государственнаго Архива въ Петербургѣ. Царскія письма были частью собственноручныя, частью писанныя рукою писца съ приписками царя. Перелистывая эти письма, я снова замѣтилъ большое сходство руки Алексѣя Михайловича съ почеркомъ Петра и опять увидалъ полное ея несходство съ почеркомъ приписи. Но вотъ въ одномъ изъ нихъ вниманіе мое остановила на себѣ крупная буква „К“, какъ бы случайно заброшенная въ рядъ другихъ, сравнительно мелкихъ буквъ, притомъ по типу совсѣмъ непохожая на всѣ прочія „К“ въ письмахъ и, напротивъ, весьма близкая къ очертаніямъ той же буквы въ приписи.

---

[28]) О полномъ ихъ несоотвѣтствіи можно судить по ихъ снимкамъ на прилагаемой фототипической таблицѣ (см. сн. №№ 1, 4 и 6).

[29]) Датскій Архивъ, стр. 242.

Тутъ несмолкавшее во мнѣ „e pur si muove“ проснулось и зазвучало съ новою силою, и на другой же день я съ утра принялся за тщательное сличеніе царскаго почерка въ письмахъ съ почеркомъ приписи (по фотографическому снимку Древлехранилища). Не вникая въ смыслъ писемъ [30]), я терпѣливо разсматривалъ и одну за другою срисовывалъ на прозрачную бумагу отдѣльныя буквы, но долго ни къ какимъ положительнымъ результатамъ придти не могъ. Кромѣ поразившей меня наканунѣ буквы „К“, я нашелъ только еще одну единичную букву „М“, соотвѣтствующую тожественной буквѣ въ приписи (въ словѣ „вамъ“, переправленномъ изъ первоначальнаго „васъ“ [31]).

Самая подпись „Алексѣй“, (встрѣчающаяся далеко не на всѣхъ письмахъ) по начертанію не имѣла ничего общаго съ этимъ именемъ въ приписи [32]).

Просидѣвъ надъ своею работою не одинъ часъ, я уже начиналъ терять—если не убѣжденіе въ подлинности приписи, то надежду наглядно ее доказать, — какъ вдругъ передъ глазами моими точно вспыхнули слова „царь Алексѣй“, писанныя твердымъ, крупнымъ почеркомъ Копенгагенской приписи, только немного разгонистѣе [33]). Такая же подпись усмотрѣна мною потомъ и на другомъ письмѣ—отъ 26 сентября 1660 г. [34])

Изъ прилагаемыхъ фототипическихъ снимковъ съ этихъ двухъ подписей (№№ 2 и 3) ясно видно, что обѣ онѣ стоятъ въ строкахъ, писанныхъ не писарскою рукою, а несомнѣннымъ почеркомъ царя.

Затѣмъ предоставляю самимъ читателямъ, сличивъ очертанія буквъ на этихъ снимкахъ и на снимкѣ № 1, изображающемъ часть Копенгагенской приписи, судить—писаны ли подпись и приписъ однимъ и тѣмъ же лицемъ или двумя разными лицами? Для меня мыслимо разрѣшеніе вопроса только въ первомъ смыслѣ [35]).

---

[30]) Лишь изъ одного помню слова, представляющія собою забавное поздравленіе со Свѣтлымъ праздникомъ: „а у насъ Христосъ Воскресе, а у васъ Воистину ли Воскресе“?

[31]) См. на фототипической таблицѣ снимокъ № 5.

[32]) Сличи на фототипической таблицѣ снимки №№ 4, 6 и 1.

[33]) См. тамъ же снимокъ № 3.

[34]) См. тамъ же снимокъ № 2.

[35]) Еслибъ приписъ писалъ не царь, а другое лицо, то принимая во вниманіе, что въ XVII вѣкѣ каждая буква нашей азбуки имѣла по нѣскольку десятковъ начертаній, одно уже полнѣйшее совпаденіе типовъ буквъ въ словахъ: „царь Алексѣй“ на письмахъ и въ приписи представило бъ по моему мнѣнію

Есть еще одинъ доводъ въ пользу подлинности приписи, притомъ доводъ, имѣющій рѣшающее значеніе—и въ сущности я долженъ былъ бы начать съ него; если же не началъ, а помѣщаю его въ концѣ, то лишь вслѣдствіе того, что свѣдѣнія, на которыхъ онъ зиждется, получены мною только теперь, когда я уже дописываю настоящую статью...

На мой запросъ: нѣтъ ли въ Главномъ Архивѣ въ Москвѣ, въ соотвѣтствующемъ статейномъ спискѣ, какой либо отмѣтки относительно царской приписи, С. А. Бѣлокуровъ обязательно сообщилъ мнѣ слѣдующее: грамота отъ 17-го августа 1656 года, посланная въ Данію съ княземъ Мышецкимъ, приведена въ концѣ статейнаго списка о его посольствѣ (№ 11, л. 87). Озаглавлена она такъ: „Списокъ з государевы царевы и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца грамоты, какова послана за его царскою самодержавною рукою къ датцкому Фредерикусу королю“... Затѣмъ слѣдуетъ текстъ грамоты, а по окончаніи его прибавлено: „А у подлинной государевы грамоты приписано ево царскою самодержавною рукою сицевымъ образомъ: Божіею милостію мы великій государь царь“ (и т. д. весь текстъ приписи—л. 91).

Основываясь безъ сомнѣнія на этихъ данныхъ статейнаго списка, Н. Н. Бантышъ-Каменскій замѣчаетъ: „1656 г. марта 13 отправленъ въ Данію въ посланникахъ стольникъ кн. Д. Е. Мышецкой... Посланная съ нимъ грамота къ королю была подписана рукою самого царя“ [36]).

столь же рѣдкую случайность, какъ, напримѣръ, рядъ правильныхъ аккордовъ которые взялъ бы невѣжда въ музыкѣ, забарабанивъ наобумъ по фортепьянамъ. Но если при этомъ взять въ разсчетъ и полное тожество—очертаній буквъ-сравнительныхъ ихъ пропорцій, нажима пера и пр.,—то оставалось бы предположить, что подъ руку царя нарочно поддѣлался писецъ. Предположеніе это и высказалъ одинъ весьма свѣдущій ученый, который, не считая возможнымъ отвергать очевидное сходство почерковъ, не захотѣлъ, однако, отрѣшиться отъ аксіомы, что до Петра цари на своихъ грамотахъ никогда—ниже въ исключительныхъ случаяхъ—собственноручно не подписывались. Спорить не стану, не пойму только цѣли этой поддѣлки. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ допустить, что имѣлось въ виду ввести въ заблужденіе короля датскаго, который и по русски то не зналъ, и о царскомъ почеркѣ понятія не имѣлъ. Оставалось бы предположить, что царемъ, который на дѣлѣ ни за что не согласился бы преступить священный завѣтъ вышеозначенной аксіомы, руководило шаловливое желаніе поморочить нашихъ будущихъ ученыхъ.

[36]) Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи. Часть первая. Москва, 1894 г. стр. 228. На эту книгу равнымъ образомъ указалъ намъ С. А. Бѣлокуровъ.

Итакъ, въ вопросѣ о подлинности подписей Бориса и Алексѣя Михайловича на грамотахъ въ Копенгагенскомъ Архивѣ можно придти къ слѣдующему заключительному выводу. Мы имѣли бы всѣ основанія полагать, что подпись Бориса подлинная, если бъ не свидѣтельства современниковъ о его неграмотности. Что жъ до приписи царя Алексѣя, то она безспорно начертана имъ самимъ, однако не его обыкновеннымъ быстрымъ сравнительно мелкимъ почеркомъ, а особеннымъ—крупнымъ и старательнымъ. Вообще, сопоставляя припись Алексѣя Михайловича съ письмами его къ сестрамъ, мы убѣждаемся, что у него было два совершенно отличные другъ отъ друга почерка—одинъ такъ сказать будничный, скорый, другой парадный, калиграфическій, обличающій въ царѣ до извѣстной степени искусника въ чистописаніи.

Ю. Щербачевъ.

Объясненія къ фототипической таблицѣ.

1. Отрывокъ приписи царя Алексѣя Михайловича на грамотѣ къ королю датскому отъ 17 августа 1656 г. См. выше стр. 8.

2. Образчикъ почерка царя Алексѣя Михайловича. Изъ письма его къ сестрамъ отъ 26 сентября 1660 г. (Государственный Архивъ, разр. XXVII, дѣло № 91, письмо № 66/72.

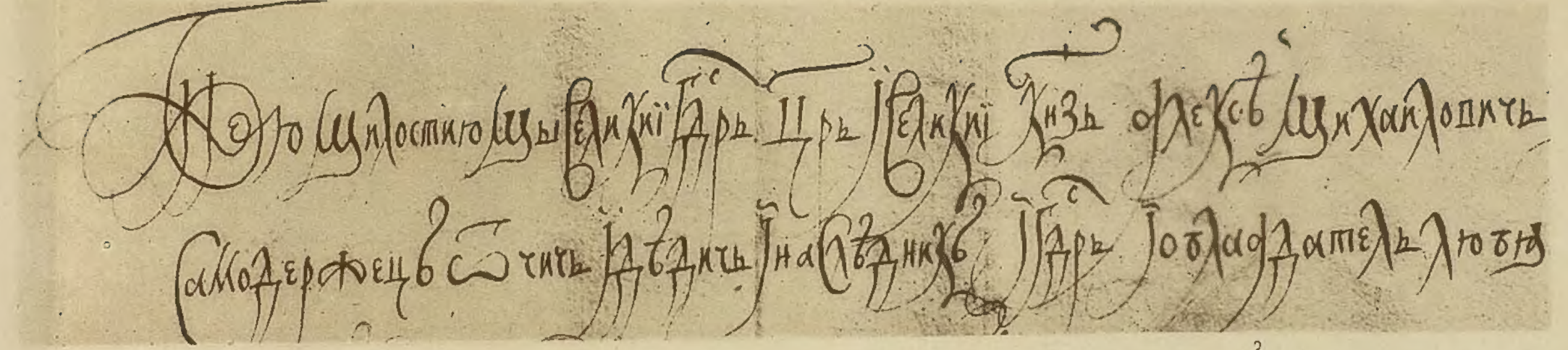
3. Тоже. Изъ письма его отъ 23 мая 1656 г. (Оттуда же. Письмо № 54/60).

4. Подпись его на письмѣ отъ 11 сентября (1655 г.) (Оттуда же. Письмо № 44/50).

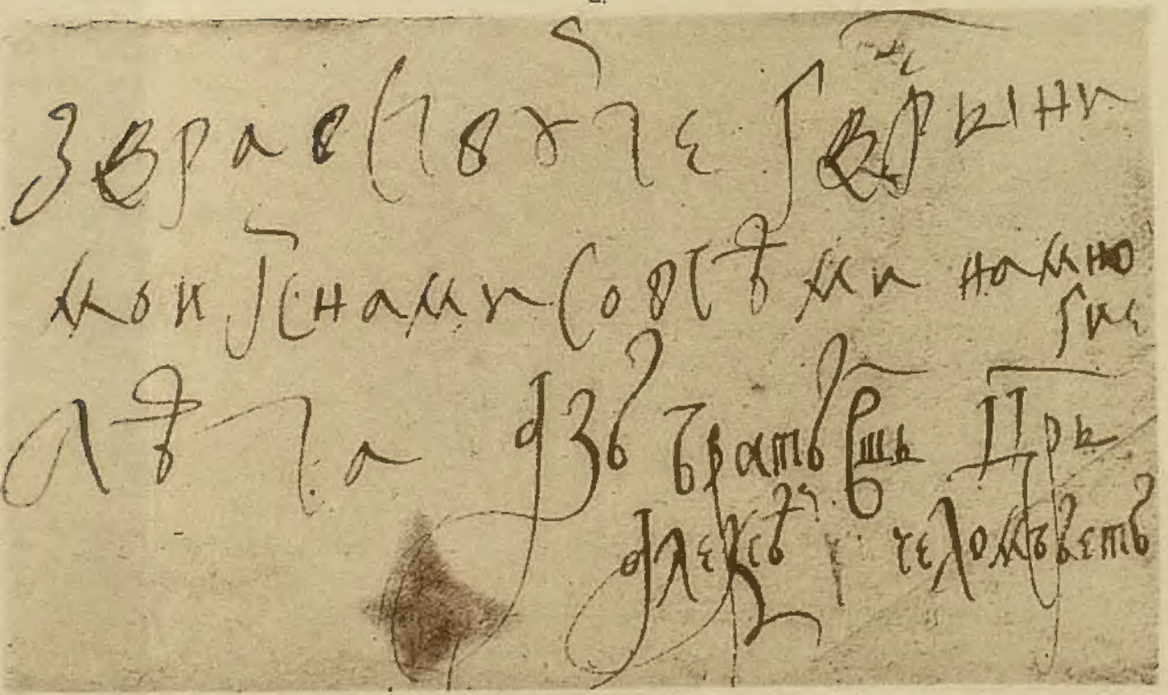
5. Образчикъ почерка его же. Изъ письма его къ сестрамъ отъ 16 августа (1655 г.?) (Оттуда же. Письмо № 41/47).

6. Подпись его же на томъ же письмѣ. (Оттуда же).

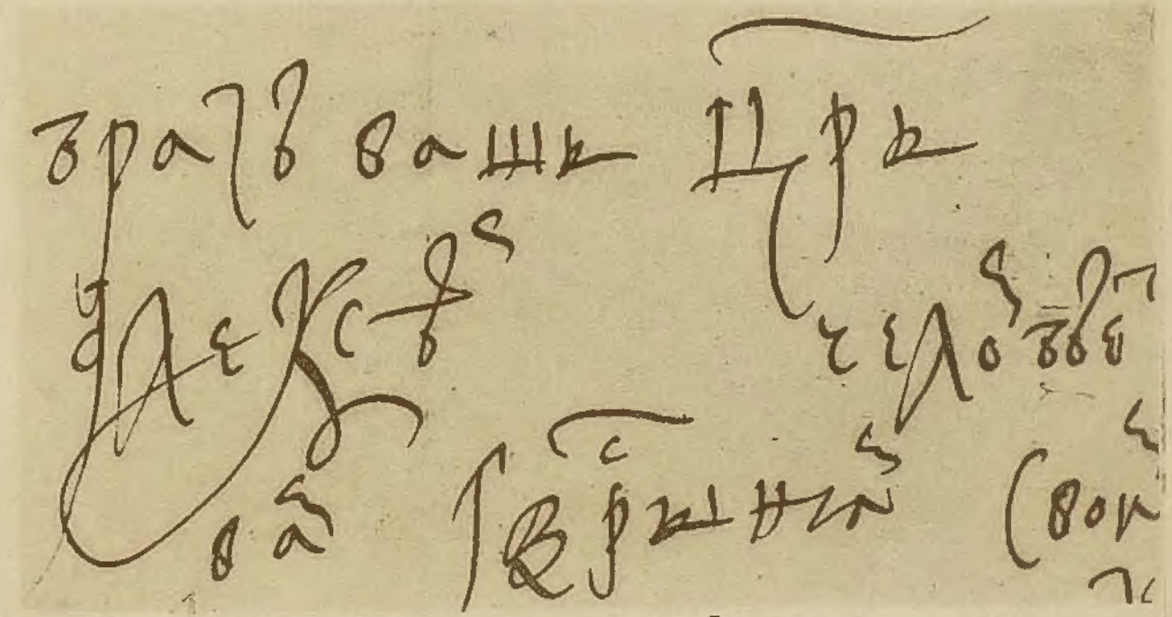
и 7. Подпись царя Бориса Годунова на грамотѣ къ королю датскому отъ 10 апрѣля 1602 г. См. выше стр. 2.



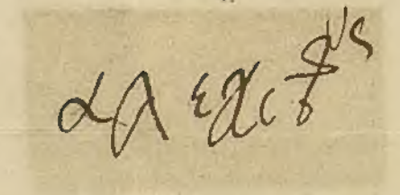
2. 3.

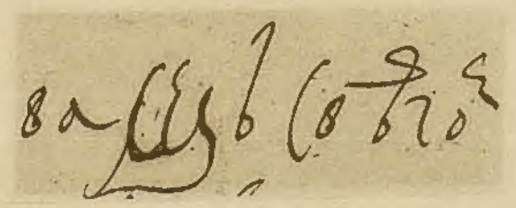


4. 5.

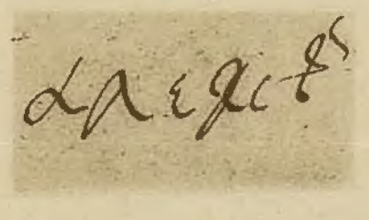


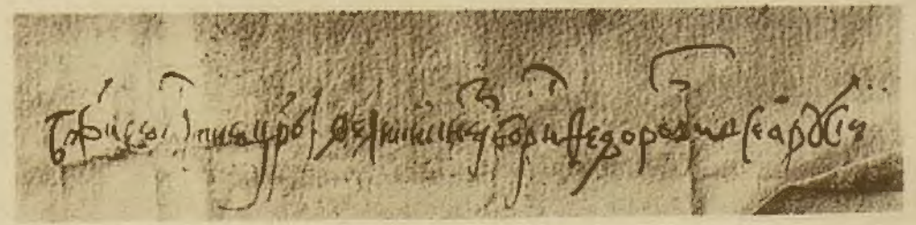
7.





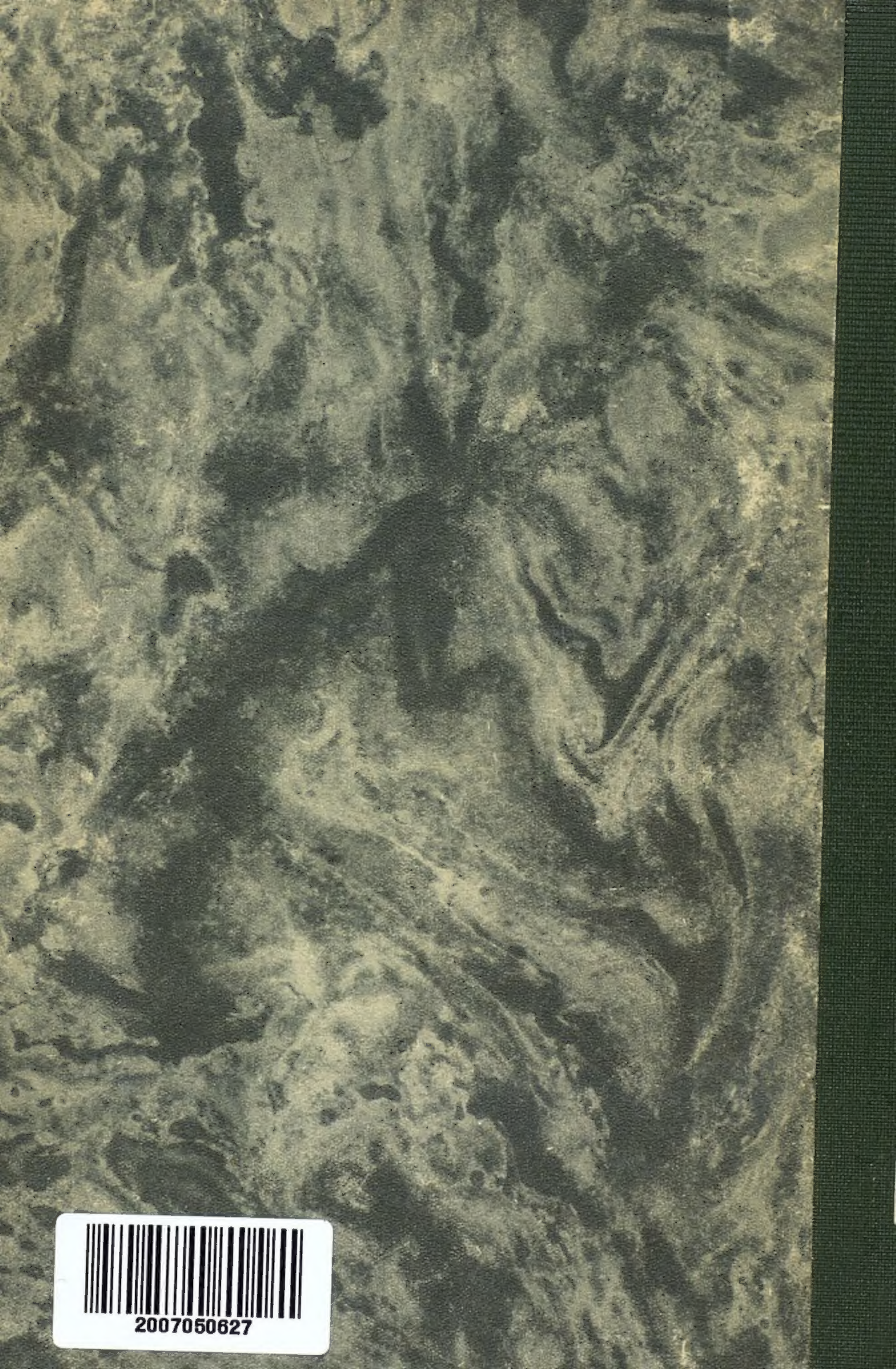
6.





Фототипія Шерер, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Подписи царей Бориса Годунова и Алексѣя Михайловича.


2007050627